

МЕЖДУ ОРИЕНТАЛЬНОЙ СТИЛИЗАЦИЕЙ И АВТОБИОГРАФИЕЙ: К ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «ИЗ ГАФИЗА»

Среди пушкинских стихотворений, содержащих в названии прямое указание на связь с «чужим словом» («Из Анакреона», «Из Barry Cornwall», «Из А. Шенье» и т. п.), наибольшее внимание интерпретаторов привлекают те тексты, для которых эта связь оказывается мнимой, а обозначение источника имеет иную функцию и прагматику, требующую разъяснения. К числу таких стихотворений можно отнести хрестоматийное «Из Пиндемонти» (или, согласно первоначальному заглавию, «(Из Alfred Musset)»), и поныне вызывающее разноречивые трактовки,¹ а также менее известное и более раннее стихотворение, напечатанное Пушкиным и публикующееся в современных изданиях под названием «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...», 1829). Как и в случае «Из Пиндемонти», для этого текста не было обнаружено прямого источника в сочинениях «заглавного» автора. В пользу мистифицирующего, а значит литературно-прагматического характера печатного названия говорят и отличия перипетекста в сохранившемся беловом автографе, где никакого упоминания персидского поэта не было.

Другая причина интереса к стихотворению лежит в обстоятельствах его создания и публикации. Из всех пушкинских поэтических текстов, написанных во время поездки в действующую армию летом 1829 года, увековеченной впоследствии в «Путешествии в Арзрум», он единственный был отдан в печать вскоре после возвращения Пушкина в столицы и, наряду с «Олеговым щитом», представлял столь ожидаемый публикой и властью лирический отклик на события русско-турецкой войны. В комментаторской традиции до сих пор превалирует интерпретация, вектор которой был задан чуть более поздними полемическими репликами Пушкина, возмущенного откровенно оскорбительной рецензией Ф. В. Булгарина на седьмую главу «Онегина» и содержащимися в ней упреками в молчании о победах армий Паскевича и Дибича.² И в черновых строфах «Домика в Коломне»,³ и затем в предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин так или иначе подчеркивал, что не собирался «воспевать <...> подвиги»: это «было бы <...> с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно».⁴

¹ Обзор основных направлений интерпретации стихотворения см.: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 262–275; Пушкинская энциклопедия. Производство. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К. С. 227–235 (статья О. С. Муравьевой).

² Рецензию Булгарина см.: Северная пчела. 1830. 22 марта. № 35; 1 апр. № 39; ее комментированная републикация: Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830. С. 232–236, 457–459 (прим. Е. О. Ларионовой).

³ Варианты черновых набросков вступительных октав «Домика...»: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 5. С. 371.

⁴ *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. 1836. Т. 1. С. 18. Здесь и далее травелог цитируется по первой публикации в «Современнике», так как в собраниях сочинений Пушкина текст печатается в контаминированных редакциях, не отражающих окончательного авторского решения. Об истории произведения и проблемах текстологии «Путешествия...» см.: *Долинин А. А.* Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М., 2022. С. 49–69, 93–114.

Полемически заостренный тезис Пушкина о его принципиальном поэтическом молчании получил активное развитие в советскую эпоху — как под влиянием генеральной идеологической линии, т. е. устойчивой критики «империалистических войн» и колонизаторской политики Николая I на Кавказе и в Закавказье, так и под воздействием художественно-филологической концепции Ю. Н. Тынянова, сложившейся во время работы над романом «Смерть Вазир-Мухтара» и затем перенесенной в его исследования о «Путешествии в Арзрум».⁵ Общим местом стало убеждение в том, что Пушкин скептически и иронически относился к Паскевичу и его военным успехам, а тексты поэта, связанные с арзрумским походом, содержат «прямую полемику»⁶ с властным и общественным дискурсом. В статьях А. Л. Осповата и Р. Г. Лейбова⁷ и в особенности в работах А. А. Долинина о «Путешествии в Арзрум»⁸ эти устоявшиеся мнения, часто искажающие более сложную и динамичную картину пушкинского восприятия событий 1828–1829 годов, были подвергнуты необходимой ревизии и обоснованным уточнениям. Цель настоящей статьи — описать на микроуровне контексты создания и публикации стихотворения «Не пленяйся бранной славой...», суммировав и скорректировав предлагавшиеся интерпретации текста, и показать его место в истории пушкинских литературных и нелитературных отношений 1829-го — первой половины 1830 года.

Текстологическая история «Не пленяйся бранной славой...» восстанавливается с большой степенью надежности: известен беловой с поправками автограф, принадлежавший Н. Н. Раевскому-младшему,⁹ одному из главных собеседников Пушкина в арзрумском путешествии;¹⁰ первая публикация — в дружественном поэту альманахе «Царское Село» на 1830 год¹¹ — состоялась явно с его ведома, затем текст вошел в третью часть «Стихотворений А. Пушкина» 1832 года.¹² В сохранившейся цензурной рукописи сборника также содержится копия «Не пленяйся бранной славой...» с редакторскими пометами Плетнева, занимавшегося с ведома Пушкина подготовкой издания.¹³ Сопоставление белового автографа и первопечатного варианта, появившегося

⁵ О концепции Тынянова и ее влиянии на текстологические решения и подходы к интерпретации «Путешествия...» см.: Там же. С. 99–115.

⁶ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 194.

⁷ Осповат А. Л. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829) // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 61–69; Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Т.] 4. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. С. 71–88.

⁸ См.: Долинин А. А. 1) Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России: Сб. статей. М., 2010. С. 106–124; 2) «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны, 2009. С. 22–37; 3) «Кавказские врата» (Дарьяльское ущелье в «Путешествии в Арзрум») // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 203–218. Наблюдения исследователя суммированы в недавней книге (Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум»), пристальному чтению которой эта статья обязана своим замыслом и концепцией. Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Долинина, прочитавшего статью в рукописи, за полезные советы и уточнения.

⁹ Описание автографа и указание на его провенанс см.: Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина / Собр. Л. Н. Майков. СПб., 1902. С. 269 (публ. В. И. Саитова); более точная публикация: Модзалевский Б. Л. Из семейного архива Раевских // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1904. Вып. 2. С. 17. Современный архивный шифр — ПД 111, описание см.: Модзалевский Б. Л., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М., 1937. С. 47.

¹⁰ О Раевском в «Путешествии в Арзрум» см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум» (по указ.).

¹¹ Царское Село. Альманах на 1830 год / Изд. Н. Коншиным и Б. Розеном. СПб., 1830. С. 233. Об истории альманаха, тесно связанного с дельвиговским кружком, см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 176–178.

¹² Пушкин А. С. Стихотворения. СПб., 1832. Ч. 3. С. 16 (отдел стихотворений 1829 года).

¹³ ПД 420. Л. 8. Копия, сделанная с первой публикации, под заглавием «(Из Гафиза)», с пометой под текстом: «5 июля 1829 / Лагерь при Евфрате». Заглавие и датирующая помета

в «Царском Селе», показывает, что при публикации были изменены и уточнены не только отдельные выражения и формулы,¹⁴ но и элементы перитекста, вообще довольно разнообразного (заглавие, подзаголовок/посвящение, дата, локация).

И в автографе, и в первой публикации стихотворение сопровождалось авторской датировкой («5 июля 1829») и топографической пометой («Лагерь при Евфрате»¹⁵), привязывавшими создание текста к конкретному эпизоду пушкинского путешествия в Арзрум.¹⁶ При устойчивости этих элементов тем выразительнее выглядят расхождения в заголовочном комплексе: если в печатных изданиях стихотворение называлось «(Из Гафиза)»,¹⁷ то в автографе мы видим более экзотическое и энигматическое заглавие «Шееръ I», а также подзаголовок-посвящение конкретному адресату — «Фаргат-Беку».

Эти первоначальные варианты заглавия, гораздо теснее связанные с бытовым контекстом создания стихотворения, нуждаются в комментариях, тем более что в исследовательской литературе до сих пор предлагаются противоречивые и не всегда точные интерпретации. Для того чтобы прояснить их, напомним конкретные обстоятельства пушкинского путешествия и закавказской кампании Паскевича, оттолкнувшись от указания на дату и локацию, сопровождающего стихотворение «Не пленяйся бранной славой...» и в автографе, и в печатном тексте.

* * *

Как известно из «Путешествия в Арзрум» и воспоминаний современников, 13 июня 1829 года Пушкин нагнал русскую армию, уже выступившую в поход из-под Карса, в Котаплы, на берегу Карс-чая,¹⁸ где встретился с братом Львом и своим давним другом Н. Н. Раевским-младшим, «начальником всей конницы»,¹⁹ командиром Нижегородского драгунского полка, вместе с которым продолжил движение по театру военных действий. Сопричастность опыту войны, тогда впервые пережитому Пушкиным в непосредственных ощущениях, послужила источником сильных впечатлений, отразившихся как в художественных текстах, так и в эго-документах и колебавшихся в широком диапазоне — от азарта и удалства, которые в один из первых дней в лагере заставили его броситься на преследование турецкого отряда (чем Пушкин бравировал в письмах родным и друзьям,²⁰ но о чем предпочел умолчать в «Путешествии в Арз-

вычеркнуты чернилами рукой Плетнева, его же рукой указание «(Лагерь при Эвфрате)» вписано чернилами справа над текстом; заголовков «Из Гафиза» перенесен в оглавление (л. 94). Описание цензурной рукописи «Стихотворений» 1832 года, подготовленное М. Н. Виролайнен, см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1. С. 449.*

¹⁴ Варианты автографа см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 2. С. 736.*

¹⁵ В автографе слово «Евфрат» было написано иначе — через ижицу: «Лагерь при Эвфрате», что, вероятно, обусловлено библейским колоритом этого гидронима.

¹⁶ В третьей части «Стихотворений» «Не пленяйся бранной славой...» было помещено среди «стихов, написанных во время путешествия», в отделе стихотворений 1829 года. Учитывая хронологическую структуру сборника, конкретная датировка была снята, а локализирующая помета — «(Лагерь при Эвфрате)» — помещена перед текстом.

¹⁷ В третьей части «Стихотворений» — в соответствии с общим принципом организации глав и подзаголовков — указание «(Из Гафиза)» было вынесено в оглавление.

¹⁸ См.: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 65.*

¹⁹ Формулировка из «Путешествия в Арзрум»: *Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 60.*

²⁰ Письма Пушкина из Арзрума не сохранились, но их содержание известно из пересказов его адресатов. См. письмо С. Л. Пушкина к О. С. Павлищевой от 22 августа 1829 года: «Александр видимо в восторге от своего путешествия. Он пишет Плетневу и дает ему подробную картину своего образа жизни в лагере. Он ездит на казачьей лошади с нагайкой в руке...»; а также письмо Дельвига П. А. Вяземскому от 30 августа 1829 года: «...мы получили от него (Пушкина. — А. Б.) письмо из Арзерума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казачьей лошади» (цит. по: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 87, 89).*

рум»), до ужаса непосредственного свидетельства многих смертей, тяжелых ранений и разрушений.²¹

Пушкин, сопровождавший армию на ее пути к Арзруму, был очевидцем сражений при Саган-лу, преследования войска Гаки-Паши, захваченного в плен, и дальнейшего продвижения к Арзруму, который был взят без кровопролитного сражения 27 июня 1829 года.²² После капитуляции города Пушкин несколько дней жил в армейском лагере, разбитом недалеко от Арзрума еще при подходах к нему, а затем 7 июля по приглашению Паскевича переехал в город, в дом Сераскира, где располагался сам главнокомандующий и офицеры его штаба. Таким образом, помета под стихотворением — «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате» — относит создание (т. е. запись) текста к пребыванию в этом арзрумском лагере, когда обстоятельства более располагали к стихам, чем во время сражений и армейских переходов, уже после стратегически и символически важного взятия города.

Используя гидроним *Евфрат*, имеющий отчетливые библейские коннотации, Пушкин следует географическому узусу эпохи, отличающемуся от современного: Евфратом Пушкин называет протекающую неподалеку от Арзрума реку Карасу, северный исток собственно Евфрата (Большого Евфрата), образующегося при слиянии рек Карасу и Мурат.²³ Такое же словоупотребление находим в энциклопедических изданиях 1820–1840-х годов: «Евфрат <...> величайшая река Азиатской Турции, вытекает из гор Армении двумя рукавами: северный, *Кара-Су* (Черная вода), называемый собственно Евфратом, выходит из гор Думлу-Даг <...> к северу от крепости Арзрума...»;²⁴ в официальных корреспонденциях и позднейших записках знакомого с Пушкиным участника арзрумского похода подполковника И. Т. Раджицкого (1788–1861): «Хотя Евфрат удален от города...»;²⁵ «Евфрат от города в 6 верстах...».²⁶ В других текстах Пушкина также используется именно это название реки — ср. в стихотворении «Дон»: «От Аракса и Евфрата / Я привез тебе поклон»²⁷ — и затем в «Путешествии в Арзрум»: «Эвфрат течет в трех верстах от города».²⁸

В беловом автографе текст адресован одному из походных знакомцев Пушкина — Фаргат-беку, молодому офицеру 1-го конно-мусульманского полка, набранного из жителей Карабахской провинции. По возвращении в Москву Пушкин набросал его карандашный профиль в альбоме Ел. Н. Ушаковой (ПД 1723. Л. 85 об.), подписав рисунок «Фаргат-Бек».²⁹ Современные исследователи уточнили его полное имя и служебную биографию: Фаргад (Фархад)-бек Асланбекович Мелик-Асланов (1805–1889), вступивший в русскую службу весной 1829 года, успел отличиться уже в первых сражениях и был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с бантом, затем продолжил

²¹ Описаний подобных впечатлений особенно много в третьей и четвертой главах «Путешествия в Арзрум». О контрасте между азартным поведением Пушкина по приезду в военный лагерь и отражением этого опыта в травелогe см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 42–48.

²² Хронологию перемещений Пушкина по театру военных действий см.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 65–82.

²³ Отмечено: Листов В. С. Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1. С. 45, 66.

²⁴ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб., 1841. Ч. 5. С. 331–332.

²⁵ Раджицкий И. Т. Письма из Кавказского корпуса // Северная пчела. 1829. 22 авг. № 101.

²⁶ Раджицкий И. Т. Взятие Эрзерума в 1829 году // Древняя и новая Россия. 1877. № 9. С. 33. См. также упоминание об иордани, устроенной для русских войск в январе 1830 года «на берегах пустынного Евфрата, верстах в восьми за городом», в фундаментальной истории Кавказской войны В. А. Потто (*Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях*. 2-е изд. СПб., 1889. Т. 4. Турецкая война 1828–1829 годов. Вып. 1. С. 634).

²⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 1. С. 176.

²⁸ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 75.

²⁹ Воспроизведение рисунков см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 351, № 823.

военную карьеру в царской армии (с мая 1830 года — прапорщик, с 1834 года — поручик).³⁰ Вероятно, он пользовался покровительством Раевского, в ведении которого находились все кавалерийские полки, в том числе мусульманские. По крайней мере известно, что «Мелик-Аслана сын Фороад-бек» был одним из немногих представителей знатных карабахских семейств, который был готов записаться в полк (точнее, сводную кавалерийскую бригаду) Раевского, когда тот, судя по письму князя И. Н. Абхазова от 20 апреля 1829 года, хотел еще «завербовать <...> молодых людей из бекских фамилий» для русской армии.³¹ В «Путешествии в Арзрум» Пушкин вспоминал, что «в палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика».³² Посредничество при знакомстве или общении Пушкина с Фаргат-беком объясняет тот факт, что автограф оказался в бумагах Раевского — по всей видимости подаренный или отданный поэтом незадолго до отъезда генерала из арзрумского лагеря.³³

Судя по «Путешествию в Арзрум» и другим свидетельствам, на Пушкина вообще произвели впечатление экзотические участники военной кампании — уроженцы «Закавказских <...> областей и жители земель, недавно завоеванных»,³⁴ которые вступили в русскую службу. Под командованием Раевского, начальствовавшего над всей кавалерией, состояли сформированные в марте 1829 года четыре мусульманских конных полка «из татар дистанций, принадлежавших к Грузии, и провинций: Карабахской, Ширванской, Шекинской и Армянской»,³⁵ а также отдельная часть под названием «конница Кенгерлы», вошедшая вместе с дивизионом черноморских казаков в состав сводного конного полка. Эти полки, организованные по инициативе Паскевича, набирались по территориальному признаку, «сохраняли национальный костюм и отличались друг от друга только суконными звездами, нашитыми на их высоких острокопечных папахах <...>. Командовали полками русские офицеры, а сотнями — беки или почетные агалары. Эти офицеры-азиатцы с бородами, в длиннополых чохах, в папахах, в эполетах и шарфах — представляли непривычному глазу весьма оригинальное зрелище <...> полки являли собою превосходный вид: всадники были опрятно и красиво одеты, отлично вооружены и <...> сидели на кровных жеребцах карабахской породы».³⁶ К одному из таких полков, а именно 1-му конно-мусульманскому, или карабахскому, принадлежал и Фаргат-бек, — чем объясняется, как уже указывали комментаторы, окончательный вариант последней строки первого катрена: «Не бросайся в бой кровавой / С карабахскою толпой!».

³⁰ О нем см.: Ениколопов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой» // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 91–93; Асадов Ю. А. 3000 армянских офицеров царской России: Историко-биографическая книга памяти (1701–1921): В 2 кн. М., 2018. Кн. 2. С. 241–242. Подробные биографические сведения о Фаргат-беке см. также в «Циклопедии»: URL: https://cyclowiki.org/wiki/Фархад-бек_Мелик-Асланов (дата обращения: 20.07.2024).

³¹ Письмо И. Н. Абхазова см.: Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 449. В этом письме также упоминается Фараджула-бек, еще один офицер мусульманского полка, чей портрет Пушкин зарисовал в альбоме Ушаковой (ПД 1723. Л. 86; Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. С. 351, № 822).

³² Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 59.

³³ 10 июля 1829 года Раевский покинул Арзрум «по неудовольствию с фельдмаршалом» (Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 77), оставив таким образом Пушкина без своего общества и попечения. Можно предположить, что отъезд Раевского был одной из причин, побудивших поэта вскоре отправиться в обратный путь, а не продолжать движение вглубь Турции вместе с войском под командованием Паскевича.

³⁴ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 60.

³⁵ Цит. по: Исмаилов Э. Э. Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии // История. 2019. № 1 (97). С. 29.

³⁶ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 4. С. 391; о мусульманских полках см. также: Ениколопов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой». С. 92–93; Исмаилов Э. Э. Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии. С. 26–37.

Храбрость и решительность карабахского полка произвели впечатление на Пушкина вскоре после его приезда в армейский лагерь, что было впоследствии отмечено в «Путешествии в Арзрум» (ср.: «17 июня утром услышали вновь мы перестрелку, и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами...»³⁷), в котором мусульманские или, как их иначе называли, «татарские» полки упоминаются неоднократно: «На левом фланге <...> происходило жаркое дело. Перед нами <...> скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского <...>. Турки исчезли. Татары наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля»; «Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою».³⁸ С героем-иноверцем, служившим в одном из мусульманских полков, связана также драматическая сцена «Путешествия...», когда рассказчик наблюдает мужественную смерть татарского бека и неутешное горе его «любимца»: «Подъезжая к лощине, увидел я необыкновенную картину. Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы. Умиравший бек был чрезвычайно спокоен и неподвижно глядел на молодого своего друга».³⁹ Этот эпизод, построенный на контрасте нежного чувства, описанного в ориентальной гомоэротической оркестровке, и ужаса смерти на войне, представляет близкую параллель к образной системе стихотворения,⁴⁰ противопоставляющего «прелесть неги и стыда» обманчиво опозитизированной «бранной славе».

В отличие от позднее написанного «Путешествия в Арзрум», в котором ориентальные штампы стали объектом эксплицированной рефлексии и — часто — деконструкции, в стихотворении 1829 года Пушкин в большей степени следует конвенциям европейского ориентализма, опираясь на приемы и образцы, уже освоенные им прежде при работе над «Бахчисарайским фонтаном» и «Подражаниями Корану». Характерный в этом отношении пример — использование образа ангела смерти Азраила⁴¹ («Знаю, смерть тебя не встретит: / Азраил, среди мечей, / Красоту твою заметит — / И пощада будет ей!»), чье имя в автографе было записано как «Азраель». Эта огласовка выдает, как кажется, его европейский генезис — именно в таком виде («Azrael», а не «Azrail») именование ангела смерти встречается в хорошо знакомой Пушкину поэме Байрона «Абидосская невеста» (1813), где возникает близкий мотив жалости ангела смерти перед лицом настоящего чувства.⁴² То же написание находим

³⁷ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 60–61.

³⁸ Там же. С. 61–63.

³⁹ Там же. С. 65–66; о параллелях к этому эпизоду в официальных реляциях и воспоминаниях Радожицкого см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 85–86.

⁴⁰ Отмечено: Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979. С. 194.

⁴¹ Азраил (или Израил) — «в мусульманской мифологии ангел смерти, один из четырех главных ангелов (наряду с Джабрилом, Микалом и Исрафилом)» (Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 488 (статья М. Б. Пиотровского)); см. также описание Азраила/Азраэля в популярном в пушкинскую эпоху «Инфернальном словаре» Ж. О. С. Коллена де Планси (1818): *Collin de Plancy J. Dictionnaire infernal, ou Bibliothèque universelle sur les êtres, les personnages, les livres, les faits et les choses qui tiennent aux apparitions, à la magie, au commerce de l'enfer...* 2-е éd., entièrement refondue. Paris, 1825. Т. 1. Р. 298.

⁴² Ср. в монологе Зюлейки, обращенном к ее возлюбленному Селиму: «Years have not seen, Time shall not see / The hour that tears my soul from thee: / Even Azrael, from his deadly quiver / When flies that shaft, and fly it must, / That parts all else, shall doom for ever / Our hearts to undivided dust!» Рус. пер.: Годы не видели и Времени не дано будет увидеть / Того часа, который оторвет мою душу от тебя: / Даже Азраил, когда из своего смертоносного колчана / Пошлет неотвратимую стрелу, / Которая разлучает все и вся, лишь навсегда превратит / Наши сердца в неразделимый прах (цит. по фразкфуртскому изданию, подаренному Пушкину Мицкевичем и находившемуся в его библиотеке: *The Works of Lord Byron: Complete in one volume*. Frankfurt a/M., 1826. Р. 71; упоминание Азраила было снабжено авторским примечанием: «Азраил — ангел смерти» (Р. 732)). См. также в переводе И. И. Козлова: «Не бил и не пробьет для нас / Ужасный расставая час! / Сам Азраил, являсь пред нами, / С колчаном смерти за плечами, / Стрелой одною нас сразит / И в прах один соединит!» (Байрон Дж. Г. Невеста Абидосская. Турецкая повесть / Пер. с англ. И. Козлов. СПб., 1826. С. 25).

в мифологической «восточной» поэме Р. Саути «Талаба-разрушитель» (1801), послужившей, вероятно, одним из источников стихотворения «Анчар», написанного осенью 1828 года, незадолго до поездки Пушкина в Арзрум.⁴³ Эпиграф из «Талабы» с упоминанием Азраэля-Азраила был предпослан одной из глав популярного романа В. Скотта «Ламмермурская невеста» (1819);⁴⁴ в другом его романе «Талисман» (1825) имя ангела смерти также фигурирует в аналогичном написании.⁴⁵ В поэтическом сборнике В. Гюго «Восточные стихотворения» («Les Orientales»), который вышел в январе 1829-го и стал громкой европейской новинкой, выдержавшей в том же году множество изданий,⁴⁶ в стихотворении «Грусть паши» также появляется образ ангела смерти: «Lui font-ils voir en rêve, aux bornes de la terre, / L'ange Azraël, debout sur le pont de l'enfer?»⁴⁷ При этом, судя по пояснениям, которыми часто сопровождается упоминание Азраила/Азраэля, неустойчивости написания этого имени⁴⁸ и единичным примерам более раннего его появления в печати (прежде всего в переводных «восточных» текстах), этот образ только начинал входить в русскую ориентальную поэтику.⁴⁹ Сам Пушкин вскоре использует его в неоконченной поэме «Тазит» (1829–1830), основанной на том же материале арзрумского путешествия, — ср.: «Слагают тело на арбу / И с ним кладут снаряд воинской: / <...> / Чтобы крепка была могила, / Где храбрый ляжет почивать, / Чтоб мог на зов он Азраила / Исправным воином восстать».⁵⁰

Еще одну примету, характерную для европейской ориентальной поэтики, в том числе байроновской, можно видеть в использовании явных языковых калек, ярких экзотизмов, иногда сопровождавшихся авторскими примечаниями. В этом ряду, как кажется, следует рассматривать заглавие, данное стихотворению в беловом автографу: «Шеерь I», интерпретация которого до сих пор оставалась предметом разногласий. В комментарии к венгеровскому зданию сочинений Пушкина Н. О. Лернер⁵¹

⁴³ Близкие параллели между отрывками из поэмы, где речь идет о смертоносном дереве упас, и «Анчаром» отмечены Долининым (см.: Долинин А. А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 64–70).

⁴⁴ «Who comes from the bridal chamber? / It is Arzael, the angel of death. Southey's *Thalaba*» (The Prose Works of Sir Walter Scott. Paris, 1827. Vol. 2. P. 509; разрозненные тома этого издания были в библиотеке Пушкина — см.: Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9–10. С. 333, № 1369). В русском переводе романа имя ангела смерти было передано как «Азраил»: «Кто исходит из брачной комнаты? Это Азраил, это ангел смерти. *Талаба*» (Скотт В. Невеста ламмермурская. Новые сказки моего хозяина, собранные и изданные Джедедием Клейшботамом... М., 1827. Ч. 3. С. 612).

⁴⁵ См., например: The Prose Works of Sir Walter Scott. Vol. 4. P. 684, 686, 738, 759.

⁴⁶ В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр шестого издания «Les Orientales», также выпущенного в 1829 году (Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина>. С. 254, № 1011). О внимании к сборнику Гюго говорят явные реминисценции из стихотворения «Джинны» («Les Djinnns») в пушкинских «Бесах», черновые наброски которых датируются поздней осенью 1829 года (Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание. М., 2016. Вып. 3. Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года. С. 304–305, 323–324, 327–328 (комм. О. А. Проскурина)).

⁴⁷ Hugo V. Les Orientales. Paris, 1829. P. 112.

⁴⁸ Если в переводе «Ламмермурской невесты» мы находим написание «Азраил», то в переводе «Талисмана», вышедшем в том же 1827 году, — напротив, «Азраэль»: «...от лица которого Ангел-Азраэль отлетает, покидая одр болящего...», «Азраэль оберегал одр его с одной стороны...» (Скотт В. Талисман, или Ришард в Палестине. Из истории времен Крестовых походов. М., 1827. Ч. 1. С. 209, 222). Аналогичный вариант см. в русском переводе поэмы Скотта «The Bridal of Triermain, or The Vale of St. John» (1813): «...Азраэль обнажил меч свой и восклицает: Музульмане, подумайте о гробе!» (Скотт В. Невеста Трирмена, или Долина Святого Иоанна. Поэма в трех песнях / Пер. с фр. М., 1825. С. 83).

⁴⁹ Уже в самом начале 1830-х годов Азраил станет центральным героем неоконченной поэмы или драмы юного Лермонтова («Азраил», 1831), а сюжет об ангеле смерти, сжалившемся над горем любящего и воскресившем умершую возлюбленную, будет подробно разработан в поэме с соответствующим названием («Ангел смерти», 1831).

⁵⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 5. С. 71–72.

⁵¹ Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1911. Т. 5. С. XXIX.

со ссылкой на публикацию известного этнографа и историка Кавказа Е. Г. Вейденбаума⁵² сообщил, что будто бы «шеер — значит по-татарски войско или полк», и интерпретировал заголовок как указание на 1-й конно-мусульманский полк, в котором служил адресат стихотворения. Из примечаний Лернера эти сведения перешли в комментарии к авторитетным собраниям сочинений Пушкина 1930–1940-х годов⁵³ и более поздние издания,⁵⁴ в исследовательскую и справочную литературу.⁵⁵ Однако еще В. Я. Брюсов отметил,⁵⁶ что по-азербайджански слово «шеер(ь)» (*şeyr*) означает «стихотворение, песня» (ср. татарское «шигырь»), на что впоследствии также обращали внимание специалисты — носители и знатоки тюркских языков⁵⁷ — и что, конечно, значительно лучше объясняет выбор экзотизма в качестве заглавия текста.

Тем не менее поэтика этого, отчасти экспромтного стихотворения не ограничивается применением ориентальных формул к конкретному лицу и случаю. В контексте других пушкинских записей и набросков и в перспективе «Путешествия в Арзрум» примечателен выбор героя-адресата, за которым стоит не только и не столько колониальный интерес к экзотическому Другому.⁵⁸ Как кажется, особый интерес Пушкина — уже во время путешествия 1829 года, как об этом позволяют судить его синхронные дневниковые записи⁵⁹ и поэтические тексты, — вызывали такие представители Другого, ориентального мира, которые так или иначе совершают переход границы между разными мирами,⁶⁰ готовы или вынуждены отказаться от своей исходной идентичности, хотя бы отчасти переменить судьбу. Таков направляющийся в Россию в свите принца Хозрева-Мирзы персидский поэт Фазиль-Хан, владеющий европейской «простою, умной учтивостью порядочного человека»⁶¹ (набросок поэтического обращения к нему — «Благословен твой подвиг новый...»⁶² — сделан вскоре после их встречи, описанной в «Военной Грузинской дороге» и затем в «Путешествии...»), таков сам принц Хозрев-Мирза, посланный в Петербург с дипломатическими «извинениями» за убийство Грибоедова и разгром русской миссии в Тегеране (встречу с принцем Пушкин

⁵² Вейденбаум Е. Г. Пушкин на Кавказе в 1829 году // Русский архив. 1905. Кн. 1. № 4. С. 680.

⁵³ См., например: Пушкин А. С. 1) Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 769 (прим. М. А. Цявловского); 2) Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 498 (прим. Б. В. Томашевского).

⁵⁴ Пушкин А. С. Стихотворения / Изд. подг. Л. С. Сидяков. СПб., 1997. С. 569 (сер. «Литературные памятники»).

⁵⁵ См.: Ениколопов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой». С. 93; Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 535; Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 2. С. 222 (статья О. С. Муравьевой).

⁵⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. статья и комм. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1. Ч. 1. С. 300. В комментированных изданиях это верное указание см., например: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 711 (прим. Т. Г. Цявловской).

⁵⁷ См.: Курбанов Ш. А. С. Пушкин и Азербайджан. Баку, 1959. С. 65–66; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 193; Гаджиев А. В науке нет мелочей // Литературный Азербайджан. 1987. № 6. С. 108. Такая интерпретация варианта заглавия позволяла высказывать предположение, что Пушкин уже во время путешествия в Арзрум задумывал цикл стихов, связанных с военными или — шире — с ориентальными впечатлениями (*Садыхов М.* Судьба соединила нас... // Там же. 1974. № 5. С. 73; Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии. С. 193).

⁵⁸ Ср. одну из ранних и последовательных интерпретаций «Путешествия...» в рамках постколониальной теории: Thompson E. M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000. P. 61–67.

⁵⁹ Реконструкцию текста и уточнение хронологии «кавказского дневника» Пушкина см.: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 5–26.

⁶⁰ О важности темы границ и возможности их преодоления в «Путешествии...» см.: Greenleaf M. Pushkin's «Journey to Arzrum»: The Poet at the Border // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4. P. 940–953. Обоснованную полемику с предложенной Гринлиф интерпретацией трансграничного путешествия через понятие лиминальности см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 143–144.

⁶¹ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 32.

⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 2. С. 160, 1181–1182.

фиксирует в своем «арзрумском дневнике» и потом упомянет в «Путешествии...»); к героям такого типа принадлежит и центральный персонаж неоконченной кавказской поэмы Пушкина «Тазит» (1829–1830), нарушающий родовые традиции, отказавшийся от кровной мести, по-видимому, под влиянием христианства. Офицеры мусульманских полков, чаще всего выходцы из древних кавказских родов, отошедшие от традиционного уклада и вступившие в русскую службу, тоже, как кажется, вписываются в этот ряд.

С другой стороны, тема преодоления границ между привычным миром европейской христианской цивилизации и экзотическим миром «древнего Востока» имела для Пушкина и личные проекции. Вопрос о том, может ли человек цивилизации переменить участь, оказавшись в Другом, инокультурном мире, занимал поэта еще в период создания «Кавказского пленника» и «Цыган»; в 1829 году Пушкин искал ответ на него на собственном опыте, памятуя при этом о смертельном исходе, которым закончились сходные попытки его предшественников на этом пути — Байрона и Грибоедова.⁶³

Сразу по приезде в армейский лагерь Пушкин, как вспоминали об этом очевидцы, как будто искал возможности испытать судьбу и «бросался в бой кровавый» вопреки реальной опасности и заботам его более опытных друзей и знакомых — Раевского, М. И. Пущина, брата лицейского друга Пушкина, и даже графа Паскевича. И в официальной истории русско-турецкой войны, написанной генералом Н. И. Ушаковым, и в позднейших мемуарах М. И. Пущина фигурирует яркий эпизод, относящийся к первым дням пребывания поэта в действующей армии, когда турки напали на русские аванпосты: «Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников»;⁶⁴ «...неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям <...> Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня: не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отделившегося от фланкирующих драгун и скачущего, с саблею наголо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами уланы с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкой, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал».⁶⁵

В таком контексте стихотворение, и в особенности его первый катрен («Не пленяйся бранной славой, / О красавец молодой, / Не бросайся в бой кровавой / [С этой ратью слепой] С Карабахскою толпой»), может прочитываться и как авторефлексив-

⁶³ Об этих проекциях см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 145–169.

⁶⁴ Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. СПб., 1836. Ч. 2. С. 305–306.

⁶⁵ Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 98. Ср. там же другие эпизоды чрезмерного энтузиазма Пушкина в ожидании схватки с неприятелем («Ну, скажи, Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!», «...в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком; но схватиться опять ему не удалось, потому что он не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпускать от себя не только во время сражения, но на привалах, в лагере, и вообще всегда» — Там же. С. 97, 99), а также написанное по горячим следам письмо Пущина брату Ивану в Сибирь, где упоминается «Пушкин, который с пику на руках следил турок перед Арзерумом» (письмо от 25 августа 1829 года; цит. по: Там же. С. 483).

ное высказывание, демонстрирующее, пусть и в такой остраивающей форме, дистанцирование от безрассудно пленявшей Пушкина «бранной славы».⁶⁶

В этом смысле любопытную параллель сюжетной конструкции пушкинского стихотворения представляет заметка о поэте, написанная его тифлисским знакомцем, редактором местных «Ведомостей» П. С. Санковским, в которой он выстраивает сходную логику «заклиняния» от опасности: «Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; *желая видеть войну*, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках <...> Теперь читающая публика наша <...> вопрошает: чем любимый поэт наш, *свидетель кровавых битв*, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, *мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани*».⁶⁷

Таким образом, биографические проекции и отсылки к конкретным военным впечатлениям существенно усложняют структуру и семантику ориентального стихотворения, оценить которые в полной мере могли лишь немногие посвященные, как, например и в первую очередь, Раевский. В этом смысле не удивительно, что именно он, как своего рода «идеальный читатель» этого пушкинского сочинения, оказался обладателем автографа «Не пленяйся бранной славой...». Однако все эти особенности текста, каким он представал в рукописи, делали его слишком «темным» для более широкой аудитории. Для публикации стихотворения соотношение между узнаваемой ориентальной поэтикой, отсылками к недавним событиям военной истории и «домашней семантикой» должно было быть изменено; примечательно, что Пушкин обошелся для этого весьма экономными средствами, затронувшими прежде всего перитекст.

* * *

Отдавая стихотворение в альманах Е. Ф. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село», Пушкин снял название и посвящение-адресацию Фаргат-беку, заменив их на мистифицирующий подзаголовок «Из Гафиза», определявший прочтение текста через принадлежность к традиции европейской и русской ориентальной лирики.

Имя Гафиза (Шамс ад-Дин Мухаммад Хафиз Ширази, ок. 1325 — 1389 или 1390), наиболее известного, наряду с его предшественником Саади (между 1200 и 1219 — 1292), персидского поэта, было хорошо знакомо русскому читателю, хотя собственно поэтические переложения Гафиза и подражания ему в 1810–1820-е годы были немногочисленны.⁶⁸

⁶⁶ Ср. указание на вероятную «ретроспективную самоиронию» Пушкина в стихотворении «Делибаш», еще одном военном тексте кавказского цикла, также связанном с впечатлениями Пушкина от первых сражений с турками (Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание. Вып. 3. С. 263 (комм. А. А. Долинина)).

⁶⁷ Тифлисские ведомости. 1829. 28 июня. № 26; курсив мой. — А. Б. (перепеч. в «Северной пчеле» в № 88 от 23 июля — отмечено: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 74). До 5 июля, которым датирован беловой автограф «Не пленяйся бранной славой...», Пушкин не успевал получить этого номера «Тифлисских ведомостей», однако можно предположить, что нечто подобное Санковский мог говорить Пушкину при личных встречах в Тифлисе, где поэт пробыл около двух недель по пути в действующую армию (о любопытных разговорах с Санковским Пушкин упоминает в «Путешествии в Арзрум», где его фамилия скрыта за инициалом «С.»; Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. С. 41).

⁶⁸ Прежде публикации пушкинского текста в русской печати появились «Ода Гафиза» («Без красавицы младой...») Д. П. Ознобишина (Северная лира. М., 1827. С. 89), переводы Ю. И. Познанского (Познанский Ю. Ода Гаафиза // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. № 10. Отд. I. С. 66–67), Ф. Н. Глинки (Глинка Ф. Нетленные глаза. Восточный аполог (Из Хафиса) // Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. Отд. «Поэзия». С. 231–232). См. также стихотворение А. А. Бестужева-Марлинского «Из Гафиза» и несколько «восточных» стихотворений, переведенных им из «Западно-восточного дивана» Гете (Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961. С. 147–153 (Библиотека поэта. Большая сер.)). Сводную библиографию переводов из Гафиза и упоминаний о нем в русской печати см.: Карнеев С. Б. Персидская поэзия: Материалы к библиографии русских переводов // Библиография Востока. 1936. М.; Л., 1937. Вып. 10. С. 101–103; Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток. 1800–1950: Опыт библиографии. М., 1975 (по указ.).

Интерес к Гафизу и его творчеству (прежде всего к газелям, составившим основу его поэтической книги «Диван») возник — на фоне более широкого просветительского, а затем и преромантического интереса к Востоку — в начале 1770-х годов, когда появились первые переводы его текстов на европейские языки.⁶⁹ В 1771 году британский филолог-востоковед У. Джонс (Jones, 1746–1794) поместил в своем трактате «Грамматика персидского языка»⁷⁰ прозаический перевод двух газелей Гафиза и поэтическое переложение одной из них («A Persian Song»),⁷¹ а венгерский дипломат и ориенталист К. Э. Ревичкий (Reviczky, 1737–1793) напечатал в Вене латиноязычный трактат о персидской поэзии с приложением перевода на латынь 16 газелей Гафиза с подробным комментарием.⁷² Расширению знакомства англо- и франкоязычных читателей с газелями Гафиза способствовали труды и переводы Джонса — прежде всего его «Трактат о восточной поэзии», впервые опубликованный по-французски в 1770 году как приложение к переводу «Истории Надир-шаха». В «Трактате...» содержалась подробная характеристика поэзии Гафиза и приводились переводы — прозаические и стихотворные — его десяти газелей.⁷³ Вслед за переводами Джонса в Англии вышли две книги избранных переводов «од» Гафиза, принадлежавших Дж. Ричардсону и Дж. Нотту,⁷⁴ которые затем стали образцом ориентальной поэтики для Дж. Г. Байрона и Т. Мура.⁷⁵

Важной вехой в освоении наследия Гафиза в Европе стал выход печатного собрания его сочинений на персидском языке.⁷⁶ В 1812–1813 годах крупнейший австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) опубликовал полный перевод «Дивана» на немецкий язык,⁷⁷ послуживший источником-посредником для многих последующих европейских переводов Гафиза и оказавший большое влияние на «Западно-восточный диван» И. В. Гете (1819), в котором неоднократно упоминается Хафиз и отдельный раздел которого носит название «Книга Хафиза». История европейских переводов Гафиза была знакома и русскому читателю⁷⁹ — см., например, ука-

⁶⁹ Обзор европейской рецепции Гафиза см.: Буяновская С. М. Основные этапы освоения персидской поэзии на Западе (на материале наследия Хафиза). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987; Маленька Т. Ф. Поезія Гафіза в Європі: дослідження, переклади, рецепція // Східний світ. 2005. № 2. С. 102–107.

⁷⁰ A grammar of the Persian language. London, 1771.

⁷¹ Ibid. P. 137–140.

⁷² Specimen Poeseos Persicæ sive Muhammedis Schems-Eddini notions agnomine Haphyzi ghazalae, sive Odae sexdecim ex initio Divani depromptae: nunc primum latiniatate donatae, cum metaphrasi ligata & soluta, paraphrasi item ac notis. Vindobonae, 1771; о переводах Ревичко и его биографии см.: O'Sullivan M. A Hungarian Josephinist, Orientalist, and Bibliophile: Count Karl Reviczky, 1737–1793 // Austrian History Yearbook. 2014. Vol. 45. P. 61–88.

⁷³ Histoire de Nader Chah, connu sous le nom de Thahmas Kuli Khan, empereur de Perse / Trad. d'un manuscrit persan... avec des notes chronologiques, historiques, géographiques; et un traité sur la poésie orientale par Mr. Jones. London, 1770. Part. 2. P. 264–275, 290–314. По-английски эта книга Джонса была опубликована в 1773 году.

⁷⁴ Specimen of Persian poetry or odes of Hafez; with an English translation and paraphrase / By J. Richardson. London, 1774; Select odes from the Persian poet Hafez / Transl. into English verse, with notes critical and explanatory, by J. Nott. London, 1787.

⁷⁵ Об этом см.: Yohannan J. D. The Persian Poetry Fad in England, 1770–1825 // Comparative Literature. 1952. Vol. 4. № 2. P. 137–160. Библиографию английских переводов Хафиза см.: Loloi P. Hâfiz, master of Persian poetry: a critical bibliography. English translations since the eighteenth century. London; New York, 2004; описание французской рецепции Гафиза см.: Shams-Yadolahi Z. Le retentissement de la poésie de Hâfiz en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.

⁷⁶ The works of Hafez, with an account of his life and writings. Calcutta, 1791.

⁷⁷ Hafis Mohammed Schemsed-din. Der Diwan. Stuttgart; Tübingen, 1812–1813. Bd. 1–2.

⁷⁸ См., например: Гете И.-В. Западно-восточный диван / Изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988. По указ. (сер. «Литературные памятники»).

⁷⁹ О русской рецепции Гафиза см.: Чалисова Н. Ю., Смирнов А. В. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия. М., 2000. С. 245–344.

знание в статье «Московского вестника» 1827 года: «Полные творения его напечатаны в Калкутте на персидском языке. Г-н Гаммер перевел их на немецкий язык. На французском и английском языках переведены они отрывочно».⁸⁰

Общим местом в европейских интерпретациях Гафиза, изложение которых нередко публиковалось в русских журналах 1810–1820-х годов, было сравнение его поэзии с анакреонтикой и именование Гафиза «персидским Анакреоном»: «Поразительно, насколько оды Гафиза похожи на те отрывки, которые дошли до нас от греческих лириков. Можно уверенно сказать, что в этом поэте очарование и живость Анакреона сочетаются с нежностью и прелестью Саффо»;⁸¹ «Гафиз, Анакреон Персидский, явился и прославил свое отечество»;⁸² «Персы имеют во всех родах превосходных поэтов: Фир-Дуси их Омер, Гафес их Пиндар и Анакреон <...> прославился одами и легкими стихотворениями, которые дышат негой».⁸³ Такое сближение обусловило формальные и языковые особенности русских стихотворных переводов и подражаний Гафизу, в том числе использование в них лексики, характерной для анакреонтики и «легкой поэзии», а также — в некоторых случаях — выбор 4-стопного хорея, традиционного размера русских переводов Анакреона (кроме пушкинского стихотворения, 4-стопным хореом написана уже упоминавшаяся «Ода Гафица» Д. П. Ознобишина).

Для Пушкина источниками знакомства с поэзией Гафиза, по-видимому, послужили названные французские и английские переложения, статьи о Гафизе в европейской и русской печати и — прежде всего — ориентальные тексты Байрона и Т. Мура («Лалла Рук»), которые во многом опирались на традицию европейских переводов Гафиза, заложенную У. Джонсом и его последователями, и в которых Гафиз прямо упоминался в примечаниях.⁸⁴ Именно в связи с Муром Пушкин впервые называет имя персидского поэта, рассуждая в письме к Вяземскому от конца марта — начала апреля 1825 года о «восточном слоге»: «Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в „Гяуре“, в „Абидосской невесте“ и проч.».⁸⁵ В поэтических текстах Пушкина упоминания Гафиза встречаются только в связи с арзрумским путешествием: помимо комментируемого стихотворения, имя Гафиза возникает рядом с Саади в незавершенном наброске «<Фазиль-хану>» (25–27 мая 1829 года): «Благословен твой подвиг новый, / Твой путь на север наш суровый, / Где кратко царствует весна, / [Но где Гафиза и Саади] / [Знакомы — < > имена]».⁸⁶ Об актуализации наследия Гафиза в контексте арзрумской кампании может говорить публикация стихотворения «К виночерпию. Подражание Хафису (С персидского)» с пометой «А<р>зерум. 1829-го года» в «Тифлиских ведомостях» в самом начале 1830 года.⁸⁷

⁸⁰ [Кошелев А. И.]. Взгляд на Персию, из записок одного путешественника по Востоку // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 24. С. 472.

⁸¹ Histoire de Nader Chah... Part. 2. P. 264–265. Перевод мой. — А. Б.

⁸² [Журден А.]. О языке персидском и словесности (продолжение) / [Пер. Н. С. Победина] // Вестник Европы. 1815. Ч. 82. № 14. С. 114.

⁸³ Уваров С. С. Речь президента Императорской Академии наук <...> в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года. СПб., 1818. С. 10.

⁸⁴ См.: Byron G. Œuvres complètes / Trad. de l'anglais par A. E. de Chastopalli. 2e éd., revue, corrigée et augmentée de plusieurs poèmes. Paris, 1820. Vol. 2. P. 454; Moore Th. Lalla Roukh, ou la Princesse mogole, histoire orientale / Trad. de l'anglais par le traducteur des œuvres de lord Byron [A. Pichot]. Paris, 1820. T. 2. P. 223.

⁸⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 160.

⁸⁶ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 160. Подробнее об истоках и контекстах интереса Пушкина к Гафизу см.: Мохаммади З. Пушкин и Хафиз: К проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

⁸⁷ Тифлиские ведомости. 1830. 2 янв. № 1. Автор переложения, скрывшийся за подписью «Пл. Ст....в», по всей видимости — Платон Викторович Степанов (1798–1872), подполковник Грузинского гренадерского полка, участник русско-турецкой войны, впоследствии архан-

На тематическом и стилистическом уровне «Не пленяйся бранной славой...» вполне соответствует представлениям о поэтике Гафиза (ср. выше), однако гораздо более дискуссионной остается прагматика этой мнимой отсылки.⁸⁸ Для уточнения ответа на этот вопрос следует, как кажется, вновь обратиться к многократно обсуждавшемуся сюжету, связанному с литературными откликами Пушкина на события русско-турецкой войны.

Публичность самовольного путешествия поэта в действующую армию, его собственные *mots* в московском обществе перед отъездом на Кавказ и высказывания в письмах наряду со сложившейся поэтической репутацией подогревали ожидания значимого пушкинского высказывания на военно-патриотическую тему. Вопреки позднейшим декларациям о принципиальном отказе воспевать подвиги и победы, рукописные материалы свидетельствуют, что осенью 1829 года Пушкин предпринимал попытки написать тексты о победном окончании войны с Турцией — это оставшиеся в набросках, более конвенциональные и эксплуатирующие известные топосы «Опять увенчаны мы славой...» и «Восстань, о Греция, восстань...»,⁸⁹ а также завершенное и опубликованное в «Северных цветах» на 1830 год стихотворение «Олегов щит». Показывая экспериментальность жанрового и сюжетного решений в этом последнем тексте и, наоборот, тесную связь незавершенных отрывков с одической и военно-песенной традицией («Опять увенчаны мы славой...») и «радикальной эллинофильской риторикой начала 1820-х гг.» («Восстань, о Греция, восстань...»), Р. Г. Лейбов и А. Л. Осповат убедительно заключают, что «Пушкин, по-видимому, не захотел изготавливать тексты по хорошо известным жанрово-стилистическим лекалам, отвечая социальным запросам, которые сопровождали пребывание поэта в действующей армии».⁹⁰

Стихотворение «Из Гафиза» представляется сходным жанровым и стилистическим экспериментом, позволявшим перевести тему турецкой войны «в иной более общий план, который уже не подразумевал прямой оценки».⁹¹ Военная конкретика, обозначенная сохраненным Пушкиным указанием на время и место создания текста, нивелировалась и обобщалась за счет обращения к экзотическому «чужому слову», литературной «маске» средневекового персидского поэта.

Таким образом, реакцию Пушкина в этот период точнее было бы описывать не как демонстративное молчание, но как поиск нетривиальной формы высказывания поэта-Протея, оказавшегося «во стане русских воинов».⁹²

В этом отношении любопытно, что стихотворение «Из Гафиза» было отдано в альманах Коншина и Розена отдельно и позднее, чем другие тексты Пушкина, «Зимнее утро» и «Загадка (При посылке бронзового Сфинкса)» («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы...»), помещенные на первых страницах альманаха вместе со стихами А. А. Дельвига.⁹³ Как следует из «Ведомости о пропущенных к напечатанию пьесах в 1829 году» и «Ведомости об одобренных к напечатанию пьесах в 1830 году» цензора К. С. Сербиновича, «Зимнее утро» и «Загадка» были рассмотре-

гельский губернатор, поэт-дилетант. В семейном архиве Степановых (РГАДА. Ф. 1484. Оп. 1) сохранились многочисленные тетради с его стихотворениями, переводами и другими сочинениями, а также датированная 1829 годом подорожная на проезд от Одессы до Тифлиса (Там же. № 5). Рукописный сборник стихотворений Степанова находится также в РГБ (Ф. 178/1. № 4769).

⁸⁸ Краткое резюме высказывавшихся точек зрения см.: *Рак В. Д.* Хафиз // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 360–361.

⁸⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. Кн. 1. С. 168, 169.

⁹⁰ *Лейбов Р. Г., Осповат А. Л.* Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит». С. 84.

⁹¹ *Осповат А. Л.* «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829). С. 66.

⁹² Такое решение Пушкина было отмечено, но не оценено его московским журнальным Зоилом — Н. И. Надеждиным, который в язвительной рецензии на альманах «Царское Село» замечал: «Стишки из Гафиза, на коих значится в подписи: *Лагерь при Евфрате*, показывают, что наш любимый поэт вылез кое-что и из-за Кавказа, на утешение наше» (Вестник Европы. 1830. № 3. С. 248; Пушкин в прижизненной критике. [Вып. 2]. С. 441).

⁹³ Царское Село. Альманах на 1830 год. С. 1–2, 4.

ны и дозволены к публикации еще 5 ноября 1829 года, а «Из Гафиза. Стих <отворение> А. Пушкина» — только 1 января 1830 года.⁹⁴ Можно осторожно предположить, что возвращение Пушкина к этому тексту в конце декабря 1829 года было вызвано серией публикаций «Северной пчелы» об арзрумской кампании, как раз о тех ее эпизодах, свидетелем которых оказался во время своей поездки Пушкин. В нескольких номерах газеты Булгарина была помещена довольно подробная статья Радोजицкого,⁹⁵ написанная в ответ на замечания пушкинского арзрумского собеседника В. Д. Сухорукова, напечатанные в «Тифлиских ведомостях» и перепечатанные в «Русском инвалиде».⁹⁶

С другой стороны, выход в свет альманаха Розена и Коншина, анонсированный в «Литературной газете» 16 января 1830 года,⁹⁷ совпал с работой Пушкина над еще одной арзрумской публикацией — статьей «Военная Грузинская дорога»,⁹⁸ которая основывалась на материалах его путевого дневника. Как представляется, этот *фрагмент из путевых записок* (так определен жанр статьи в подзаголовке) — еще одна попытка Пушкина найти литературную модель для оригинального описания своих военных впечатлений, модель, противопоставленную стилизации и подражанию «чужому слову», в центре которой индивидуальный, личный опыт и условно дневниковый рассказ о нем. Любопытно, что в то же самое время Пушкин прибегает к дневниковой модели в поэтических текстах, публикуя сразу несколько стихотворений с маркированными датами, которые вводятся в перитекст. Так, в «Северных цветах» на 1830 год он помещает «Дар напрасный, дар случайный...» с известной датой-подзаголовком «26 мая 1828», «Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю...», открывающееся датой «(2-го ноября)», «К **» («Подъезжая под Ижоры...») с датой «1828. Ижоры» под текстом, а также интересующее нас стихотворение «Из Гафиза» с датой «5 июля 1829» в альманахе «Царское Село».

* * *

В 1835 году, вновь возвратившись к истории своего кавказского странствия в «Путешествии в Арзрум», Пушкин объединит эти две модели — автобиографическую/автофикциональную и стилизаторскую (ср. поданное как «начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром амином-Оглу» «Стамбул гяуры нынче славят...»⁹⁹). Примечательно, что обе они оказались намечены почти сразу после возвращения из путешествия и отразились в истории создания и публикации стихотворения «Не пленяйся бранной славой...».

⁹⁴ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 234. Л. 14 об., 21; ср. также «Список статей для повременных изданий, одобренных цензором К. С. Сербиновичем», где стихотворение «Из Гафиза» упомянуто в числе текстов, дозволенных им к печати с 1 по 14 января 1830 года (Там же. Ф. 777. Оп. 1. № 1014. Л. 2).

⁹⁵ Радोजицкий И. Т. Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса // Северная пчела. 1829. 21 дек. № 153; 24 дек. № 154.

⁹⁶ Сухоруков В. Поправка статьи, напечатанной в Северной пчеле и Инвалиде под заглавием: Письма из Кавказского корпуса... // Тифлиские ведомости. 1829. 10 окт. № 41; перепеч.: Русский инвалид, или Военные ведомости. 1829. 30 окт. № 275. В заметке особенно подчеркивалась отвага 1-го мусульманского полка в сражении 17 июня 1829 года, который, по сведениям Сухорукова, «вел весьма продолжительную и упорную перестрелку около 2-х часов».

⁹⁷ Литературная газета. 1830. Т. 1. 16 янв. № 4. С. 32.

⁹⁸ Опубликованная в начале февраля в «Литературной газете» (1830. Т. 1. 5 февр. № 8. С. 57–59) статья «Военная Грузинская дорога» была отдана цензору Сербиновичу 16–17 января; 17 января датируется запись в дневнике Сербиновича о чтении «Путешествия в Арзрум» (см.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 3. С. 140). О статусе этого очерка см.: Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 49–52.

⁹⁹ О роли этого вставного текста в «Путешествии в Арзрум» и проблемах его интерпретации см.: Долинин А. А. 1) Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 184–200; 2) Путешествие по «Путешествию в Арзрум». С. 129–134.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института русской
литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (Moscow);
Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

**МЕЖДУ ОРИЕНТАЛЬНОЙ СТИЛИЗАЦИЕЙ И АВТОБИОГРАФИЕЙ:
К ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА «ИЗ ГАФИЗА»**

**BETWEEN ORIENTAL STYLIZATION AND AUTOBIOGRAPHY:
TOWARDS THE HISTORY
OF A. S. PUSHKIN'S POEM «FROM HAFIZ»**

В статье подробно реконструируются контексты создания и публикации стихотворения «Из Гафиза» («Не пленяйся бранной славой...»), написанного во время поездки А. С. Пушкина в действующую армию во время русско-турецкой войны и впервые опубликованного вскоре после возвращения. Анализируя трансформации перитекста от белого автографа к первой публикации, автор статьи демонстрирует «домашнюю семантику» стихотворения, скрытую за его ориентальной поэтикой, предлагает уточняющую интерпретацию для мистифицирующего заглавия первой публикации («Из Гафиза») и показывает значение этого текста для формирования пушкинского автобиографического нарратива в 1830-е годы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Гафиз, русско-турецкая война 1828–1829 годов, «Путешествие в Арзрум», ориентализм, литературная полемика.

The article offers a detailed reconstruction of the writing and publishing contexts of Pushkin's poem «From Hafiz» («Do not be Seized by the Glory of the Battle...»), written during the poet's visit to the military zone in the course of the Russo-Turkish War and first published shortly after his return. By examining the transformations of the peritext from the autograph to the first publication, the author highlights the poem's «domestic semantics» concealed behind its Oriental poetics, offers a more specific interpretation of the mystifying title used for the first publication (*From Hafiz*), and outlines the significance of this text for the formation of Pushkin's autobiographical narrative of the 1830s.

Key words: A. Pushkin, Hafiz, *Puteshestvie v Arzrum*, Russo-Turkish War of 1828–1829, Orientalism, literary polemics.

Список литературы

1. Асадов Ю. А. 3000 армянских офицеров царской России: Историко-биографическая книга памяти (1701–1921): В 2 кн. М., 2018. Кн. 2.
2. Белкин Д. И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. Буяновская С. М. Основные этапы освоения персидской поэзии на Западе (на материале наследия Хафиза). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
5. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.
6. Гаджиев А. В науке нет мелочей // Литературный Азербайджан. 1987. № 6.
7. Гете И.-В. Западно-восточный диван / Изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988 (сер. «Литературные памятники»).

8. Долинин А. А. «Кавказские врата» (Дарьяльское ущелье в «Путешествии в Арзрум») // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4.
9. Долинин А. А. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю. Тынянова // Озерная школа: Труды пятой Летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны, 2009.
10. Долинин А. А. Гяур под маской янычара: О стихотворении Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» // Новое литературное обозрение. 2013. № 123.
11. Долинин А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М., 2022.
12. Долинин А. А. Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007.
13. Долинин А. А. Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России: Сб. статей. М., 2010.
14. Ениколопов И. К. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой» // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979.
15. Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996.
16. Исмаилов Э. Э. Азербайджанские иррегулярные воинские части российской армии в XIX столетии // История. 2019. № 1 (97).
17. Курбанов Ш. А. С. Пушкин и Азербайджан. Баку, 1959.
18. Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
19. Лейбов Р. Г., Осоват А. Л. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. [Т.] 4. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф.
20. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3.
21. Листов В. С. Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1.
22. Маленька Т. Ф. Поезія Гафіза в Європі: дослідження, переклади, рецепція // Східний світ. 2005. № 2.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1.
24. Мохаммади З. Пушкин и Хафиз: К проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
25. Осоват А. Л. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829) // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988.
26. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
27. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1.
28. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1, 2; Т. 5, 13.
29. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 2, 3.
30. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 1.
31. Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание. М., 2016. Вып. 3. Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года.
32. Пушкин А. С. Стихотворения / Изд. подг. Л. С. Сидяков. СПб., 1997 (сер. «Литературные памятники»).
33. Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830.
34. Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К.
35. Пушин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2.
36. Рак В. Д. Хафиз // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии».
37. Садыхов М. Судьба соединила нас... // Литературный Азербайджан. 1974. № 5.
38. Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток. 1800–1950: Опыт библиографии. М., 1975.
39. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969.
40. Чалисова Н. Ю., Смирнов А. В. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия. М., 2000.
41. Greenleaf M. Pushkin's «Journey to Arzrum»: The Poet at the Border // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4.
42. Loloi P. Hâfiz, master of Persian poetry: a critical bibliography. English translations since the eighteenth century. London; New York, 2004.
43. O'Sullivan M. A Hungarian Josephinist, Orientalist, and Bibliophile: Count Karl Reviczky, 1737–1793 // Austrian History Yearbook. 2014. Vol. 45.
44. Shams-Yadolahi Z. Le retentissement de la poésie de Hâfêz en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.
45. Thompson E. M. Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000.

46. Yohannan J. D. The Persian Poetry Fad in England, 1770-1825 // Comparative Literature. 1952. Vol. 4. № 2.

References

1. Asadov Iu. A. 3000 armianskikh oftserov tsarskoi Rossii: Istoriko-biograficheskaja kniga pamiati (1701–1921): V 2 kn. M., 2018. Kn. 2.
2. Belkin D. I. Pushkinskie stroki o Persii // Pushkin v stranakh zarubezhnogo Vostoka. M., 1979.
3. Bestuzhev-Marlinskii A. A. Poln. sobr. stikhotvorenii. L., 1961 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
4. Buianovskaia S. M. Osnovnye etapy osvoeniia persidskoi poezii na Zapade (na materiale naslediiia Khafiza). Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1987.
5. Chalisova N. Iu., Smirnov A. V. Podrazhaniia vostochnym stikhotvortsam: vstrecha russkoi poezii i arabo-persidskoi poetiki // Sravnitel'naia filosofiiia. M., 2000.
6. Dolinin A. A. «Kavkazskie vrata» (Dar'ial'skoe ushchel'e v «Puteshestvii v Arzrum») // Lotmanovskii sbornik. M., 2014. Vyp. 4.
7. Dolinin A. A. «Puteshestvie v Arzrum vo vremia pokhoda 1829 goda» v redaktsii i interpretatsii Iu. Tynianova // Ozeraiia shkola: Trudy piatoi Letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature. Poliany, 2009.
8. Dolinin A. A. Giaur pod maskoi ianychara: O stikhotvorenii Pushkina «Stambul giaury nynche slaviat...» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 123.
9. Dolinin A. A. Pushkin i Angliia: Tsikl statei. M., 2007.
10. Dolinin A. A. Pushkin i Viktor Fontan'e // Evropa v Rossii: Sb. statei. M., 2010.
11. Dolinin A. A. Puteshestvie po «Puteshestviiu v Arzrum». M., 2022.
12. Enikolopov I. K. K istorii stikhotvoreniia «Ne pleniaisia brannoii slavoi» // Vremennik Pushkinskoi komissii. 1975. L., 1979.
13. Gadzhiev A. V nauke net melochei // Literaturnyi Azerbaidzhan. 1987. № 6.
14. Gete I.-V. Zapadno-vostochnyi divan / Izd. podg. I. S. Braginskii, A. V. Mikhailov. M., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. Greenleaf M. Pushkin's «Journey to Arzrum»: The Poet at the Border // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4.
16. Ismailov E. E. Azerbaidzhanskii irreguliarnye voinskie chasti rossiiskoi armii v XIX stoletii // Istoriiia. 2019. № 1 (97).
17. Kurbanov Sh. A. S. Pushkin i Azerbaidzhan. Baku, 1959.
18. Leibov R. G., Ospovat A. L. Siuzhet i zhanr stikhotvoreniia Pushkina «Olegov shchit» // Pushkinskie chteniia v Tartu. Tartu, 2007. [T.] 4. Pushkinskaia epokha. Problemy refleksii i komentariiia: Materialy mezhdunar. konf.
19. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: V 4 t. M., 1999. T. 3.
20. Levkovich Ia. L. Kavkazskii dnevnik Pushkina // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1983. T. 11.
21. Listov V. S. Bibleiskie motivy v «Puteshestvii v Arzrum» // Pushkin i ego sovremenniki. SPb., 1999. Vyp. 1.
22. Loloi P. Hâfiz, master of Persian poetry: a critical bibliography. English translations since the eighteenth century. London; New York, 2004.
23. Malen'ka T. F. Poeziia Gafiza v Evropi: doslidzhennia, perekladi, retseptsiiia // Skhidni svit. 2005. № 2.
24. Mify narodov mira. Entsiklopediia: V 2 t. 2-e izd. M., 1987. T. 1.
25. Mokhammad Z. Pushkin i Khafiz: K probleme «vostochnogo sloga» v tvorchestve Pushkina. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.
26. O'Sullivan M. A Hungarian Josephinist, Orientalist, and Bibliophile: Count Karl Reviczky, 1737–1793 // Austrian History Yearbook. 2014. Vol. 45.
27. Ospovat A. L. «Olegov shchit» u Pushkina i Tiutcheva (1829) // Tynianovskii sbornik. Tret'i Tynianovskie chteniia. Riga, 1988.
28. Proskurin O. A. Poeziia Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest. M., 1999.
29. Pushchin M. I. Vstrecha s Pushkinym za Kavkazom // Pushkin v vospominaniakh sovremennikov. 3-e izd., dop. SPb., 1998. T. 2.
30. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2019. T. 3. Kn. 1.
31. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1948. T. 3. Kn. 1, 2; T. 5, 13.
32. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. M.; L., 1949. T. 2, 3.
33. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 6 t. / Pod obshch. red. M. A. Tsiavlovskogo. M.; L., 1936. T. 1.

34. *Pushkin A. S.* Soch. Kommentirovannoe izdanie. M., 2016. Vyp. 3. Stikhotvoreniia iz «Severnykh tsvetov» 1832 goda.
35. *Pushkin A. S.* Stikhotvoreniia / Izd. podg. L. S. Sidiakov. SPb., 1997 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
36. *Pushkin v prizhiznnoi kritike.* SPb., 2001. [Vyp. 2]. 1828–1830.
37. *Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia.* SPb., 2012. Vyp. 2. E–K.
38. *Rak V. D. Khafiz* // *Pushkin: Issledovaniia i materialy.* SPb., 2004. T. XVIII/XIX. *Pushkin i mirovaia literatura. Materialy k «Pushkinskoi entsiklopedii».*
39. *Sadykhov M.* Sud'ba soedinila nas... // *Literaturnyi Azerbaidzhan.* 1974. № 5.
40. *Shams-Yadolahi Z.* Le retentissement de la poésie de Hâfiez en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.
41. *Tartakovskii P. I.* Russkaia poeziia i Vostok. 1800–1950: Opyt bibliografii. M., 1975.
42. *Thompson E. M.* Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000.
43. *Tynianov Iu. N.* *Pushkin i ego sovremenniki.* M., 1969.
44. *Vatsuro V. E.* «Severnye tsvety». Istoriia al'manakha Del'viga — Pushkina. M., 1978.
45. *Yohannan J. D.* The Persian Poetry Fad in England, 1770-1825 // *Comparative Literature.* 1952. Vol. 4. № 2.
46. *Zhuikova R. G.* Portretnye risunki Pushkina: Katalog atributsii. SPb., 1996.

Татьяна Васильевна Федосеева

профессор кафедры литературы и журналистики
факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Tatiana Vasilyevna Fedoseyeva

Professor, Department of Literature and Journalism,
Faculty of Russian Philology and National Culture,
S. Yesenin Ryazan State University

ORCID: 0000-0002-5540-5051

predromantism@yandex.ru

Наталья Ивановна Тангаева

доцент кафедры иностранных языков с курсом русского языка
Рязанского государственного медицинского университета
имени академика И. П. Павлова

Natalia Ivanovna Tangaeva

Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Russian language course,
Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlova

ORCID: 0000-0002-6196-7587

tamantina@mail.ru

«КНИЖКИ ДЛЯ НАРОДА» В РОССИИ 1840-х ГОДОВ:

М. Н. МАКАРОВ

«BOOKS FOR THE FOLK» IN RUSSIA OF THE 1840s:

M. N. MAKAROV

Рассказы М. Н. Макарова 1840–1843 годов исследуются с применением жанрово-стилевого и контекстуального видов анализа с аксиологическим комментированием. Отмечены особенности